

Вершина горы Бейшан оказалась полной противоположностью самой горе. Залитое солнечным светом плато ослепляло белизной цветущих кустарников и плодовых деревьев. Облака, клубящиеся вокруг горы, если смотреть на неё издали, на самой вершине расступались, устилая пространство вокруг взбитой молочной пеной. Дышать получалось с трудом — разряженный воздух так густо благоухал сладкими ароматами цветов и сочных фруктов, что им одним уже можно было насытиться. Трава под ногами, тонкая и изящная, усыпанная тысячами цветов чистейшего белого цвета устилала плато мягким, будто бы снежным ковром. Она шелестела под порывами прохладного ветра и скрадывала шаги своим мерным травяным перешёптыванием.

Веньян глубоко вдохнул и прикрыл глаза, подставив лицо золотым солнечным лучам. Восхождение отняло много сил, хотя он думал, что вполне восстановился — приятная волна расслабления, как тёплый морской прилив, огладила мышцы ног, обняла напряжённую поясницу и свернулась клубком чуть ниже пупка, немного пульсируя и сияя, разливаясь сияющим золотом по внутренним меридианам. Не было слышно ни стонов страдающих душ, ни течения тёмной энергии — лишь шелест травы и мелодичное пение ветра. Как странно, подумал Веньян, место, наводящее страх на всю Поднебесную, оказалось таким умиротворяющим.

Веньян стоял, подставив лицо солнцу до тех пор, пока под веками не начали разливаться цветные узоры, эфемерные как мираж в пустыне. Ху Шень за это время не произнёс ни слова и когда Веньян смог сфокусировать взгляд, то не нашёл его рядом — он ушёл далеко вперёд, туда, где под сенью ветвистых цветущих деревьев осталось его болезненное прошлое, его печальные воспоминания. Веньян не спешил за ним вслед, лоя задумчивым взглядом земные поклоны поросшей шелестящей травой могиле; плотно сжатые губы; растрепавшиеся ветром пряди волос, что упав на лицо танцевали тенями на бледной коже. Ху Шень, сильнейший тёмный заклинатель прошлого и настоящего, выглядел так уязвимо, так слабо, так сломленно, что у Веньяна перехватило дыхание и руки сжались в кулаки в желании прикоснуться, скользнуть кончиками пальцев по плечу, сжать чужую, дрожащую ладонь в своей. Какая ирония, подумалось ему, он мог помочь мёртвым обрести покой, но был так бесполезен в мире живых.

Ху Шень принёс с собой благовония. Сжимая тонкую тлеющую палочку в пальцах, он замер взглядом на дрожащем на ветру белом цветке, одном из тысяч таких же, не в силах эту палочку отпустить, будто тонкая сизая струйка дыма была единственной нитью, способной соединить его с человеком, так много значившим для него и в прошлом, и по сей день. Он даже не заметил подошедшего Веньяна, замершего рядом безмолвной тенью. Лишь горячий пепел, сорвавшись на руку, смог вывести Ху Шеня из оцепенения и он, наконец, обратил внимание на происходящее вокруг.

Веньян не прерывал тишину, молча рассматривая старую каменную табличку с неровными иероглифами. Почерк Ху Шеня никогда не отличался изящностью, но эта надпись выглядела особенно неряшливо — грубые линии, глубокие борозды — её высекали в гневе.

«Жертвенный дурак»

Гласила табличка, рассечённая трещиной прошедших лет. Всего два слова, скрывающие за

грубостью и неуважением боль отчаяния и ярость потери. Ху Шень усмехнулся.

— Я всегда называл его так. Столько лет прошло, а моё мнение так и не поменялось. Я был так зол на него...

— Я бы мог поискать подходящий камень, — нерешительно начал Веньян, — не составит труда высечь новую надпись.

Ху Шень покачал головой, обведя взглядом бескрайнее цветущее плато.

— Не стоит. Кому здесь на неё смотреть? Присядь, Веньян. Расскажу тебе, как он умер. Если, конечно, желаешь.

Веньян пребывал в смятении. В лихорадочном жаре пару дней назад он сам просил рассказать, но сейчас не был уверен, что действительно этого хочет. Ещё раз взглянув на Ху Шеня, на то, как отчаянно он сжимает дотлевающие палочки благовоний, как темнеет в его глазах океан необъятной печали, Веньян осознал, насколько глубока и незыблема его привязанность, его боль. Ху Шень хранил её как редкую драгоценность, отрезанный от мира, одинокий и презираемый. Было ли у Веньяна право отказаться, отмахнуться от его откровенности из-за смешной эгоистичной ревности к человеку, чьи останки давно истлели?

«Отпусти его. Он не вернётся.»

Веньяну хотелось кричать. Встряхнуть Ху Шеня за плечи; ударить, чтобы хлынула кровь из рассечённой губы; прижаться и разрыдаться в грубую ткань серых одежд. Заменить тоскливую дымку в глазах, яростью, презрением, чем угодно.

— Конечно, мастер, — вместо крика из груди вырвался шёпот, — я буду рад послушать.

Летние ночи на севере никогда не отличались теплом, но та ночь, освещённая ярким пламенем, запомнилась всем жаром и пеклом самой преисподней. Чёрная гора, пробудившись от векового сна, мучительно истекала тёмной энергией словно кровью. Она пропитывала земли на многие ли, клокотала зловонным болотом, удушающим смрадом разливаясь в воздухе — густом, почти осязаемом. Людские надежды, боль и страдания кисло пахли гнилью мёртвой плоти, солью тысяч пролитых слёз, жжёной медью засохшей крови.

Небо налилось алым, чёрные тучи сгустились над горной вершиной и земля, измождённая и сухая, шла трещинами как яичная скорлупа, как первая тонкая изморозь под шагами Ху Шеня. Тьма вихристым дымом следовала за ним, как верный пёс за хозяином; она обволакивала его, гладила по плечам, сливалась с прядями развевающихся волос, таких же чёрных и густых. Казалось, сам воздух вокруг Ху Шеня подёрнулся рябью. Он выглядел страшно — уверенный

силуэт — само воплощение гнусной скверны, признавшей в нём своего хозяина. Каждый взгляд — безмолвное проклятие, каждый шаг — смертельный выпад. Таким он был для всех, кто решался бегло взглянуть и отвернуться в ужасе и отвращении.

Лишь один человек смотрел иначе.

Потускневшие волосы, сухие и безжизненные, как земля, по которой он ступал; дымные глаза, запавшие, измученные сотнями бессонных ночей. Каждый взгляд — мольба о помощи, каждый шаг — усилие, словно невидимые кандалы сковали сквозь одежды. Таким он был для Фэн Хуана.

Для Фэн Хуана, что сейчас во всём своём блистательном великолепии возвышался среди руин чужого грехопадения. Золотой доспех, мерцающий в бледном лунном свете, волосы в ночи — расплавленная медь, глаза — прирученное пламя в недрах спящего вулкана. Сын южного солнца и золотых песков среди бездн холодного отчаяния и безысходности.

— Пришёл убить меня, названный брат? — Ху Шень оскалился и чёрные вихры за его спиной взметнулись беспокойными змеиными хвостами. — Конечно, кто, если не ты, верно?

Фэн Хуан нервно сжал рукоять меча, скрывая за этим жестом не желание напасть, но дрожь руки.

— Шень...

— Кто, если не ты, верно?! Жертвенный дурак, готовый сложить голову во имя возвышенных идеалов! — Ху Шень кричал, и голос его гремел каменным обвалом, раскатами грома, и тьма вторила ему стенаниями и воем тысяч неупокоенных душ.

— Шень... — Боль десятков вонзённых в сердце мечей отразилась в глазах Фэн Хуана. Отпустив рукоять меча, он упал на колени.

Ху Шень опешил лишь на мгновение. Он всегда считал Фэн Хуана излишне драматичным и несуразным — внутри него бурлила такая сила, такая мощь, а он всегда выбирал тактику ненасилия — глупость, граничащая с полным безумием. Ху Шень сжал кулаки, силой воли заставляя себя не двигаться ни на шаг, хотя так хотелось обхватить его за плечи, уткнуться носом в копну медных волос, что будто всегда хранили на себе аромат пустынных песков.

— Встань, благородный Феникс. Не пристало будущему Императору ползать в грязи перед отступником.

Фэн Хуан вскинул взгляд. И сердце Ху Шеня забилось в горле — что это был за взгляд — умирающая надежда, пронзённая ядовитым клинком, что убивает мучительно медленно.

— Шень, остановись. Мне нет дела ни до власти, ни до возвышенных идеалов, тебе ли не знать. Но благородный Феникс готов умолять отступника. Прекрати это всё. Я не хочу видеть твою смерть.

Ху Шень тяжело вздохнул и вынул из ножен меч. Сталь блеснула в свете луны короткой секундной вспышкой прежде, чем чёрный дым заструился от запястья по рукояти.

— Тогда не смотри. Отвернись от меня. Оставь.

Свист взмахнувшего клинка разрезал воздух и тьма взвыла раненым зверем, вторя ему. Взвились вихры чёрного дыма вслед за полами серых одежд, но Ху Шень отогнал их подальше — он не собирался сражаться с Фэн Хуаном, используя ту скверную силу, которой обладал. Он мог поступить так с кем угодно, но не с ним. Ровно как и Фэн Хуан не направил бы в его сторону ни одного языка жаркого пламени.

Выпад.

Но Фэн Хуан лишь увернулся, взмахнув широкими рукавами, словно птичьими крыльями. Сухая земля взметнулась пылью и мелкие камешки звонко застучали по золотому доспеху. В одно движение он оказался позади Ху Шеня. Меч покоился в ножнах, ни один палец не устремился к золотой рукояти.

— Я могу прекратить всё это. — Сказал Фэн Хуан и огонь в глубине его глаз на мгновение вспыхнул ярче. — Но ты должен уйти с этой проклятой горы.

Ху Шень заскрипел зубами, медленно разворачиваясь. Ярость во взгляде, выверенные шаги с перекатом — так смертоносный хищник мягкой поступью настигает жертву.

— Юншэн* внушил тебе это?! — Рычаще вскричал Ху Шень, бросаясь вперед одним мощным рывком. Лезвие меча прошло совсем рядом, и медная прядь волос осколком драгоценного янтаря упала на землю. — Этот скользкий ублюдок спит и видит, когда ты освободишь ему дорогу!

Воздух, густой и терпкий как болотная жижа, заполнял лёгкие под завязку, дышать становилось труднее с каждой минутой. Тысячи неупокоенных душ выли и бесновались, раззадоренные яростью своего хозяина. Они скреблись, просились в бой — растерзать, уничтожить, насытиться горячей, липкой кровью — но Ху Шень держал их в узде, как держит поводья всадник на строптивом жеребце.

Взмах меча и снова мимо цели. Не битва, но танец во тьме беззвёздной летней ночи. Серебряная пляска острого клинка в переплетении золота и меди.

— Юншэн прав. — Перехватив взмахнувшее мечом запястье, Фэн Хуан оказался лицом к лицу с

Ху Шенем. — Кто, если не я? Верно.

Ужас обуял Ху Шеня как штормовая волна, как горный обвал, отрезающий пути к отступлению, когда вспышка осознания, наконец, пронзила его. Он был так сосредоточен на мнимом сражении, так поглощён собственной яростью, что не заметил ошибки. Ладонь Фэн Хуана, большая и тёплая, покоилась на его груди, а под ней, как приговор, как неотвратимость самой судьбы, горел запечатывающий талисман. Силы покинули Ху Шеня, погасли как падающая звезда, растворились как туман на рассвете. Меч упал к ногам и голова Ху Шеня поверженно склонилась.

— Почему ты не можешь просто дать мне чуть больше времени? — Сдавленно прошептал Ху Шень. Он снова оказался в лесу, умирающий от холода, болезненный ребёнок; но в этот раз в капкане не было тигра — в капкане он сам. — Я смогу удержать контроль, упрямый ты дурак. Я смогу тебя спасти.

Фэн Хуан улыбнулся.

— Ценой собственной души. Рано или поздно эта тьма разорвёт тебя. Посмотри вокруг, Шень...

Но Ху Шень отрицательно покачал головой.

Фэн Хуан снова улыбнулся. Обхватив бледное лицо Ху Шеня тёплой ладонью, он стёр большим пальцем осколок хрустальной слезы и заглянул в полные печали глаза.

— Тогда смотри на меня. Не отводи от меня глаз.

Огонь рыжим ковром устелил иссушенную, безжизненную землю, мгновенно растекаясь вокруг, заполняя собой каждую трещину, сметая всё на своём пути, выжигая, выплавливая мерзкую скверну из самых тёмных уголков. Тьма взревела, завывала, загудела тысячей голосов; чёрный дым вихрился у ног Ху Шеня, цеплялся костлявыми пальцами за одежды, но он даже не обратил на это внимания. Фэн Хуан перед ним улыбался и кожа его светилась, сияла изнутри неукротимым первородным пламенем — разрушительным, но безопасным для человека, что был так дорог сердцу своего господина. Оно уничтожало. Оно защищало.

Огненная вспышка озарила округу и благородный Феникс расправил крылья, взметаясь ввысь и укрывая чёрное небо заревом раскалённого золота. Так сокрушительно ярко, что на мгновение Ху Шень ослеп.

Всё стихло.

Опустив безжизненное тело на выжженную землю, Ху Шень убрал с чужого лба разметавшиеся пряди медных волос. Кожа Фэн Хуана, непривычно холодная, колола пальцы — пламя оставило его. Феникс одарил его своим благословением. Феникс его и забрал.

Душа Фэн Хуана рассеялась, не оставив даже осколков.

Тишину беззвёздной летней ночи вспорол крик, полный боли и горечи утраты.

Палочка благовоний давно прогорела, но Ху Шень никак не мог выпустить её из сжатых до побеления пальцев.

Веньян осторожно коснулся его напряжённого плеча.

— Он любил вас, мастер. И хотел защитить.

Ху Шень передёрнул плечами, сбрасывая чужую ладонь.

— Лучше бы он побольше любил себя. — Прицокнул Ху Шень, отбрасывая истлевшую палочку и резко поднимаясь на ноги. — Может и тебя бы здесь сейчас не было.

Веньян не придал значения его словам. Под ладонью ещё теплело осторожное, мягкое прикосновение.

— Мастер? — Окликнул он в прямую словно струна спину. — Почему вы остались? Почему не ушли вместе с ним? Что вас здесь держит?

Ху Шень замер. С вершины горы и горизонта было не различить, но образ перед его глазами он не смог бы забыть никогда — высокая фигура, шагающая сквозь затихающее пламя; жемчужина, горящая сизым перламутром в резном нефритовом гуане; одежды, жёлтые, как запечатавающий талисман на его груди.

Он обернулся через плечо, смерив Веньяна взглядом, полным злобы и презрения. Губы растянулись в зверином оскале.

— Мечь.

Комментарии и примечания:

* Юншэн — вечно живущий/живущий в веках. как вы могли догадаться, Юншэн — это наш действующий Император, один из четырёх великих заклинателей, покровитель Востока и всё такое прочее. полное имя — Лун Юншэн — «вечно живущий дракон»